

Вячеслав А. Кошелев (Новгород Великий)

О феномене намеренной «дубиальности»

Пушкинские пометы на полях поэтического тома *Опытов в стихах и прозе* К.Н. Батюшкова (XII, стр. 257-281) были, по нашему мнению, вызваны соответствующей просьбой самого Батюшкова и свидетельствуют о, по всей видимости, неоднократном обращении Пушкина к этому тому: в 1818-1819 и в 1822-1824 гг.¹ Среди этих помет, иногда достаточно острых и нелицеприятных, самые критические — возле раздела *Эпиграммы, надписи и пр.* (XII, стр. 279-280).

Из двенадцати эпиграмм, вошедших в этот раздел, пять, — перечеркнуто целиком (чего в других случаях Пушкин не допускал). Это эпиграммы *Как трудно Бибрису со славою ужиться...*, *Памфил забавен за столом...*, *Надпись к портрету Н.Н.* («И телом и душой ты на Амура схожа...»), *К цветам нашего Горация* («Ни вьюги, ни морозы...») и *На книгу под названием «Смесь»* («По чести, это смесь...»). Возле двух эпиграмм — язвительные пометы: «Переведенное остро-словие — плоскость» (*Мадригал новой Сафе*) и «Какая плоскость!» (*Мадригал Мелине, которая называла себя Нимфою*). Возле самой первой эпиграммы этого собрания — помета вообще загадочная: «Это не Бат<юшкова>, а Блуд<ова>, и то перевод».

О.А. Проскурин, указав на эту помету, охарактеризовал ее как свидетельство того, что Батюшков, подчас, «варьировал или попросту повторял чужие шутки», и глубокомысленно отметил: «Эта помета, несомненно, имеет под собой какое-то основание».² Вольно или невольно подобные замечания предполагают некую «нечистоплотность» или, во всяком случае, некоторую «странность» Батюшкова, зачем-то повторяющего «чужие шутки». Между тем, здесь вопрос гораздо сложнее.

¹ См.: Кошелев, В.А.: *В предчувствии Пушкина. К.Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века*, Псков 1995, стр. 97-101.

² Проскурин, О.А.: *Литературные скандалы пушкинской эпохи*, М. 2000, стр. 79.

Интересующая нас эпиграмма впервые опубликована именно в *Опытах...* и перешла в издания сочинений Батюшкова 1834 и 1850 гг. Д.Н. Блудов, в это время живой и здравствовавший и даже принимавший участие в подготовке издания 1834 г., никаких претензий по поводу принадлежности этого текста ему, а не Батюшкову, не предъявлял:

Всегдашний гость, мучитель мой,
О Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней, или — дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной —
Я не один и нас не двое.

Это действительно *перевод*; французский источник этой эпиграммы указал еще Л.Н. Майков: эпиграмму П.Д.-Экушара Лебрена (1729-1807) *O, la maudite compagnie...* Он же предположил, что эпиграмма относится «к началу 1812 г., когда в бытность его (Батюшкова — В.К.) в Петербурге ему очень надоедал своими посещениями плохой стихотворец Г.П. Ржевский». ³ П.И. Бартнев в помете на экземпляре *Сочинений* Батюшкова указал другого адресата эпиграммы: это некий учитель Турбин, который в 1815 г. «надоедал <А.И.> Тургеневу своим приходом». ⁴ В обоих случаях Блудов действительно мог быть автором или, во всяком случае, «соавтором» этой эпиграммы, ибо жил в Петербурге, где в то время был Батюшков, и вращался в одном с ним кругу. Он мог, например, «вовремя» вспомнить французский текст подходящей «к случаю» известной эпиграммы Лебрена, которую Батюшков тут же перевел по-русски...

Пушкинское замечание демонстрирует некую осведомленность поэта в мелочах взаимоотношений членов «арзамасского» кружка (Блудов, Батюшков, Тургенев и др.). Но это была, что называется, осведомленность «задним числом»: он не мог *присутствовать* при подобном эпизоде, послужившем поводом для эпиграммы. Он мог лишь *услышать* от кого-то из участников этого события соответствующий «анекдот» или «мемуар». Допустим, что он услышал нечто по-

³ Батюшков, К.Н.: *Сочинения*, под ред. Л.Н. Майкова и В.И.Саитова, СПб. 1887, стр. 348.

⁴ *Известия АН СССР: Серия литературы и языка*, т. 32, вып. 3, 1973, стр. 288.

хожее на то, что предположено выше. Но тогда оказываются странными его представления об «авторстве»: подлинным «автором» «переведенного острословия» признается тот, кто вовремя и к месту «припомнит» оригинал, — а не тот, кто представит его перевод.

Между тем, Батюшков неповинен в том, что приведенная выше эпиграмма попала в *Опыты в стихах и прозе*. Стихотворный том составлял, как известно, издатель сборника Н.И. Гнедич; судя по сохранившимся письмам Батюшкова к нему, он был озабочен тем, «что том стихов по милости Феба худощав». ⁵ После долгой переписки Батюшков, живший в первой половине 1817 г. в деревне, в конце концов, доверил Гнедичу самому отобрать что-нибудь из «старого». ⁶ Тот отобрал, в частности, старые эпиграммы, посылавшиеся Батюшковым еще в 1809 г. для печатания в журнале *Цветник* ⁷ и еще ряд текстов, автора не удовлетворившие. Несколько текстов (три эпиграммы и стихотворение *Отъезд*) Батюшков убрал из отпечатанных экземпляров второго тома: в августе 1817 г. по его распоряжению были вырезаны страницы 199-200. Позднее, уже во время пребывания в Италии и Германии, поэт предпринял правку стихотворного тома и, в частности, вычеркнул из него 10 стихотворений ⁸ — в их числе пять эпиграмм. Среди вычеркнутых — и *Всегдашний гость, мучитель мой*....

Поэтому, возможно, что указанная Пушкиным эпиграмма действительно принадлежит не Батюшкову. Но и Блудов как будто не претендовал на ее авторство (хотя имел массу возможностей для выражения подобных претензий). Это «межеумочное» положение художественного произведения противоречит современным представлениям об «авторстве», — но находится вполне в традициях пушкинской эпохи, в которой подобная «дубильность» выступала как вполне естественное явление.

⁵ Письмо Батюшкова к Гнедичу от мая 1817, см.: Батюшков К.Н.: *Сочинения в 2-х томах*, т. 2, М. 1989, стр. 431.

⁶ Там же, стр. 431-432, 435-441, 447-448.

⁷ Письмо Батюшкова к Гнедичу от 19 августа 1809, см. там же, стр. 98-99.

⁸ Экземпляр стихотворного тома *Опытов*... с правкой Батюшкова см.: РНБ ф. 50, ед. хр. 18. Воспроизведен нами в изд.: Батюшков, К.Н.: *Сочинения*, Архангельск 1979.

Вторая эпиграмма этого раздела, направленная против Ц.Ц. Боброва:

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться! —

была вычеркнута и Пушкиным, и (независимо от него) Батюшковым. Между тем, Батюшков был, несомненно, автором этой эпиграммы. Она, вероятно, была послана Гнедичу при упомянутом выше «августовском» письме 1809 г. в числе «нескольких эпиграмм», предназначенных для *Цветника*, — и попала уже в сентябрьский номер журнала, где была подписана «К.Б-въ».⁹ В ней, между прочим, Бобров впервые выведен под каламбурной кличкой «Бибрис» (от латинского *bibere*, пить и немецкого *Viber*, бобр).¹⁰ Но через несколько месяцев (уже после смерти Боброва, скончавшегося 22 марта 1810 г.), эта эпиграмма была перепечатана в майском номере *Вестника Европы*, вместе с двумя другими эпиграммами (*Теперь, сего же дня...* и *Известный откупщик Фадей...*) — за общей подписью «К.В.» (то есть «Князь Вяземский»!)¹¹

В следующем, июньском, номере *Вестника...* появилась подборка «антибобровских» эпиграмм П.А. Вяземского. Вторая из этих эпиграмм была сознательно ориентирована на приведенное выше двестишие:

К портрету Бибриса
Нет спора, что Бибрис богов языком пел.
Из смертных бо никто его не разумел.¹²

В обоих двестишиях осмеивались показательные «слабости» Боброва, человека и поэта: пристрастие к спиртному и усложненная архаизированная лексика его «барочных» творений. Обе эпиграммы очень

⁹ *Цветник*, ч. III, № 9, 1809, стр. 372.

¹⁰ См.: Зайонц, Л.О.: «Маска» Бибруса, в: *Ученые записки Тартуского Государственного Университета*, вып. 683, 1986, стр. 34 (Труды по русской и славянской филологии).

¹¹ *Вестник Европы*, ч. 51, № 10, 1810, стр. 127 (подпись: «К.В.»).

¹² Там же, № 11, стр. 210 (подпись: «...В...»).

соответствовали тактике литературных «баталий» 1810 г. (подробно раскрытых в недавней книге О.А. Проскурина).¹³ Почему-то при этом издателям журнала потребовалось изменить псевдоним Батюшкова (в первый раз, в *Цветнике*, эпиграмма была напечатана еще до знакомства Батюшкова и Вяземского). Более того: Батюшков не хотел признавать авторство и двух «соседних» эпиграмм, явившихся в *Вестнике Европы*: они попали в *Опыты...*, но были, как указано выше, по его распоряжению, вырезаны из отпечатанных уже экземпляров. По неволе является вопрос: а был ли Батюшков автором «несомненной» эпиграммы о «Бибрисе»?

Уже следующая (третья в разделе) эпиграмма (тоже впоследствии вычеркнутая и Батюшковым, и Пушкиным):

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и назло рассудку:
Веселостью обязан он желудку:
А памяти — умом.

— снова ставит перед исследователем проблему «авторства». Л.Н. Майков указал в примечании, что она, напечатанная в 1815 г. в *Российском музее*, была *ошибочно* приписана П.А. Вяземскому и даже включена в его собрание сочинений.¹⁴ Но с еще большей вероятностью можно предположить, что этот текст был *ошибочно* включен в батюшковские *Опыты...*: в журнале он был напечатан вместе с двумя другими эпиграммами, несомненно принадлежавшими Вяземскому (*Сказать о Фирсе мнень трудно...* и *Моей рукой ты ранен был слегка...*) с общей подписью «В.» — псевдонимом Вяземского.¹⁵ С другой стороны, Гнедич должен был для включения эпиграммы в собрание стихов Батюшкова руководствоваться какими-то основаниями. Странно предположить, что увидев в *Российском музее* три эпиграммы Вяземского, он отобрал из них одну для «наполнения» книги, выходящей под именем Батюшкова...

¹³ Проскурин, О.А.: *Литературные скандалы...*, М. 2000, стр. 81-115.

¹⁴ Батюшков, К.Н.: *Сочинения*, т. 1, СПб. 1887, стр. 220, 397; Вяземский П.А.: *Полное собрание сочинений*, т. 3, СПб. 1880, стр. 94.

¹⁵ *Российский музей*, ч. III, № 9, 1815, стр. 262.

Тут опять-таки возникает возможность предположить, что перед нами какой-то «коллективный» текст, родившийся в процессе дружеского общения Вяземского и Батюшкова и ставший показателем некоей «дубиальности» общего представления об авторе конкретной «безделки».

Вот обратный пример, выявляющийся на основе сохранившихся материалов батюшковского архива. В 1809-1810 гг. поэт был активным вкладчиком журнала *Цветник*, издававшегося А.П. Бенитцким, А.Е. Измайловым и П.А. Никольским. Из трех издателей *Цветника* Батюшков особенно любил Бенитцкого; после смерти его (12 декабря 1809 г.) он, судя по письмам к Гнедичу, собирался прекратить сотрудничество с «журналом фабриканта Измайлова»¹⁶ и в 1810 г. послал туда лишь несколько эпиграмм. Первая из них — *На перевод «Генриады», или Превращение Вольтера («Что это?» — говорил Плутон...)* — сохранилась в автографе в письме Батюшкова к Измайлову от января 1810 г.¹⁷ Она появилась в февральском номере *Цветника* за подписью «Т.Н.Р.». Другие эпиграммы были посланы Измайлову из Москвы в апреле и появились в журнале в июне-июле. Письмо Батюшкова не сохранилось, но сохранилось ответное письмо Измайлова, датированное 16 июня 1810 г. В этом письме, в частности, сообщается следующее:

Всех присланных от вас пизес не мог я поместить в одной книжке, потому что в то время, как я получил их, отпечатывали уже 5-й номер. Рыцаря нашего времени строгий Цензор не хотел пропустить, потому что в нем упоминается о. Филарет, и он думал, что смеялись не над Глинкою, а над Филаретом. О Просвещение!!! — Однако эта эпиграмма и все прочие доставленные вами пизски уже напечатаны в июне и в июле, которые вдруг теперь у нас набираются и выйдут один в конце нынешнего, а другой в начале будущего месяца.¹⁸

Эпиграмма *Рыцарь нашего века* («О хлеб-соль Русская! о прадед Филарет!...»); авторские варианты заглавия: *Русский витязь, Истинный патриот*) действительно появилась в 6-ом (июньском) номере *Цвет-*

¹⁶ Батюшков К.Н.: *Сочинения в 2-х томах*, т. 2, М. 1989, стр. 151.

¹⁷ Там же, стр. 119.

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 19, Батюшкова, ед. хр. 34.

ника за подписью «Т.Р.К.».¹⁹ Но в том же и следующем номере *Цветника* должны быть и другие «присланные пизски». Обратившись к указанным журналам, обнаруживаем только три текста, которые можно атрибутировать Батюшкову:

1. *Цветник*, ч. II, № 6, 1810, стр. 370 (без подписи):

Отказ на приглашение

Напрасно, Юлия, к себе ты приглашаешь.

Нет, не хочу с тобою больше быть:

Увидевши, тебя нельзя не полюбить,

А ты сама любви не знаешь.

2. *Цветник*, ч. III, № 7, 1810, стр. 91-92 (подпись: Т.Ф.Р....ш)

1

И в прозе, и в стихах Тирсис привык вздыхать;

Он без *увы* строки не может написать.

А тот, кому Тирсис свой жалкой бред читает,

Сперва твердит: *увы!* — а после засыпает.

2

Ага! плутовка-мышь! попалась, нет спасенья!

Ты грызла Дмитриева том,

Тогда как у меня валялась под столом

Сизифа сочиненья!

В предложенную атрибуцию как будто «не вмещается» последний текст: он представляет собой вариант известной эпитагмы Вяземского, направленной против Д.И. Хвостова (названного в тексте Вяземского *Графовым*). Впервые за подписью Вяземского (точнее, под псевдонимом «В.») она была опубликована вместе с тремя другими эпитагмами (*Тирсис всегда вздыхает...*, *Российской Диоген лежит под сею кочкой...* и *Ариста гроб ты здесь, прохожий, видишь...*) через год после этого номера *Цветника* в *Собрании русских стихотворе-*

¹⁹ *Цветник*, ч. II, № 6, 1810, стр. 360.

ний.²⁰ Но как в таком случае могла попасть эпиграмма москвича Вяземского в петербургский «журнал фабриканта Измайлова», с которым он никогда не сотрудничал? И откуда взялся странный псевдоним: «Т.Ф.Р...щ»?

«Несколько пиэс» к Измайлову были посланы Батюшковым через Гнедича, при письме из Москвы от 1 апреля 1810 г. В этом письме Батюшков подробно сообщает новости из первопрестольной, рассказывает о литературных знакомствах, сообщает о сближении с Жуковским и Вяземским и о приглашении Карамзиных приезжать к ним «на дачу» (т. е. в Остафьево). В конце письма — приписка: «Вот письмо к Измайлову, *выставь имя* и отдай ему».²¹ Выделенная курсивом фраза подчеркнута: возможно Батюшков не «выставляет» имени сам потому, что в приложенных эпиграммах заключался какой-то литературный «подвох», связанный с обстоятельствами журнальной полемики, по которым оказывалось неудобным опубликовать их в московском журнале... Псевдонимы, под которыми в *Цветнике* 1810 г. печатались известные эпиграммы Батюшкова — «Т.Н.Р.» и «Т.Р.К.» — единичны для поэта: ни раньше, ни позднее он этими псевдонимами не пользовался. И между тем, они напоминают псевдоним «Т.Ф.Р...щ».

Несомненно, перед нами какая-то дружеская шутка, смысл которой можно понять только зная все перипетии литературного быта московской весны 1810 г. Вероятно эти эпиграммы являются плодом коллективного творчества в шуточной и игровой атмосфере московского кружка, ставшего преддверием «Арзамаса». С точки зрения проблемы «авторства», вероятно, невозможно здесь определить *единственного* творца эпиграммы про «плутовку-мышь», грызущую не ту книгу: для членов этого кружка было неважно, «кто первым сказал э». Важно, что оно было сказано и не стало предметом авторской гордыни ни для Батюшкова, ни для Вяземского.

Словом, «дубиальность» (вариативность авторства) ряда «проходных» произведений — явление, распространенное в «пушкинскую»

²⁰ *Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих журналов*, Изд. В. Жуковским, ч. 5, М. 1811, стр. 221.

²¹ Батюшков К.Н.: *Сочинения в 2-х томах*, т. 2, М. 1989, стр. 132. Курсив источника.

О феномене намеренной «дубильности»

эпоху и характеризующее не столько творческую индивидуальность конкретного автора, сколько уровень литературной культуры в целом. То, что в последующие эпохи стало осознаваться неестественным — каким-то «недостатком» культуры — в пушкинские времена было фактом обиходным.

Именно так к ней и следует относиться.